

Н. БЕРДЯЕВ

**О творческой свободе
и о фабрикации человеческих душ**

Оружье свободных людей —
Свободное слово.

Константин Аксаков

Так, как думал в своем известном стихотворении о свободе слова Константин Аксаков, думали все русские писатели, создавшие великую русскую литературу, прославившие Россию более, чем сила и блеск империи. Во времена Николая I была довольно свирепая цензура, но очень глупая, что и было большим благом. Белинский мог проскочить через эту цензуру. Императорская власть не могла руководить думами потому, что весь строй с Петра не был уже цельным и тоталитарным, он уже начал разлагаться, и внутренне уже подготовлялась революция. Официальная, отражавшая мировоззрение власти литература была бездарна и даже не могла быть названа литературой. Цельным и тоталитарным был строй Московской Руси, но в ней не было мысли, не было слова. Мысль и слово родились уже в Петровскую, уже надтреснутую, критическую эпоху. История не знает настоящей литературы и искусства, которые создавались бы по директивам власти с требованием проводить в художественном творчестве определенного и притом официального мировоззрения. Это всегда было смертельно для всякого творчества. И особенно смертельно и даже смехотворно, если вы превратите художественное творчество в утилитарное средство для построения фабрик и изготовления орудий возможной войны.

История с Ахматовой и Зощенко со всеми последствиями для Союза писателей означает запрещение лирической поэзии и сатирически-юмористической литературы. Так называемая чистка идет по всей линии, даже среди музыкантов. Трудно

предположить, что лирическое стихотворение Ахматовой может помешать устройству хоть одной фабрики или изготовлению хоть одного танка, но так же трудно предположить, что она может написать стихотворение, помогающее умножению фабрик и танков. А вот патриотические стихотворения она писала.

Официальный взгляд на искусство, отразившийся и в письме в «Русские новости», означает возврат на 80 лет назад, к идеям Чернышевского и Писарева. Последний, воюя против «искусства для искусства», требовал от Щедрина писать популярные стихи по естествознанию. Теперь требуют от искусства, чтобы оно было популяризацией марксистской идеологии. Между 60-ми годами прошлого века, когда господствовал утилитарный и материалистический взгляд на искусство, и нашим временем был культурный ренессанс начала XX века с расцветом поэзии и философии, и он утвердил самостоятельную ценность искусства и духовных ценностей вообще. Тогда в России было много творческих дарований, качество почиталось более количества.

Сейчас в России есть большой прогресс в смысле социальном и в смысле элементарного просвещения масс — и большой регресс в отношении творчества духовной культуры. Это один из фатальных результатов массового социального переустройства общества. Это будет во всем мире. Можно и должно приветствовать социальные результаты революции и совсем не приветствовать умаления свободы и культурной реакции.

Это элементарная истина, что никакое творчество невозможно без свободы. Творчество и есть акт свободы. Творчество духовной культуры никак не может быть организовано по образцу хозяйственной жизни страны или военной казармы. Это было бы смертью творчества. Философская мысль уже не может развиваться в России потому, что допускается лишь официальная философия диалектического материализма. Коммунистический тоталитаризм, который нужно отличать от тоталитарного государства фашизма, формально скопирован с католической теократии и с иезуитского ордена; он походит также на женевскую кальвинистическую теократию. Но и тоталитаризм средневекового католичества все же более допускал многообразие мысли, чем тоталитаризм в Советской России: было много школ, томисты и скотисты очень спорили; были разнообразные формы мистики. Настоящей свободы мысли и творчества католичество не допускало; был и есть индекс, потому, когда современные католики, уже не составляющие господствующего большинства, кричат о свободе, то это неискренно. Стремление к единст-

ву не может исключать многообразия и индивидуализации, иначе это будет отвлеченное принудительное единство, угашающее жизнь, которая всегда предполагает индивидуализацию. Нельзя насадить принудительную добродетель, как этого, по видимому, хочет автор письма в «Русские новости», и притом добродетель, которая видит определяющий центр жизни в экономике. Принудительная добродетель может только калечить жизнь. При таком отношении к творчеству можно дойти до героя «Бесов», который сказал: «Мы всякого гения задушим в младенчестве». В старом режиме было обязательное обучение катехизису, бездарному и искажающему христианство. Это не вело к созданию христианских душ, это вело к отпадению от христианства. Такое же значение может иметь и политграмма. Человек так устроен, что без свободы духа он не формируется в известных идеях, которые почитаются за истинные, а или впадает в рабью покорность, или бунтует.

Официальная коммунистическая точка зрения на искусство смешивает два разных вопроса. Прежде всего, нужно совершенно устранить устаревший спор о чистом искусстве для искусства. Такого искусства никогда не существовало — это фикция. Свободный творческий гений или талант не находится в пустоте, его творческие акты связаны с миром и человеческим обществом. Он микрокосм. Если творец хочет выразить судьбу своего народа и разделить ее, то потому, что он внутренне с ней связан, и даже, может быть, более с ней связан, более есть настоящий народ, чем бескачественная народная масса. О народе мы судим прежде всего по его гениям, по его вершинам, а не по обыденной жизни человеческих масс, по качеству, а не по количеству. Эсхил в известном смысле исполнял «социальный заказ» афинской демократии, но не потому, что получал директивы извне, а потому, что сам был глубиной греческого народа. Вергилий в известном смысле исполнял «социальный заказ» Римской империи Цезаря-Августа, но не потому, что подвергался насилию извне и писал на навязанные темы, а потому, что из глубины своей творческой свободы хотел выразить римское возрождение, к которому стремился и Цезарь-Август. И так всегда бывало. Недопустимо смешивать творческую свободу художника или мыслителя с изоляцией, с индивидуалистической поглощенностью собой, с равнодушием к судьбе мира и народа. И недопустимо смешивать эту внутреннюю необходимую связь с жизнью своего народа с рабством, с насилием над творцом, с приказом писать на известные темы. Патриотическое стихотворение можно написать лишь потому, что поэт горит любовью

к родине, а не потому, что в данный момент генеральная линия власти требует написания таких стихотворений. Это так элементарно, что почти неловко говорить об этом.

Основная ошибка заключается в предположении, что можно фабриковать души путем их принудительной организации, что возможно фабричное производство людей. Воля направлена к утверждению единства, монолитности. Но принудительное единство, не обнимающее многообразия и не допускающее индивидуализации, есть отвлеченное, мертвое единство. Это есть геометрия, а не жизнь. Советы хотят создать общество, в котором не будет эксплуатации человека человеком, и они много для этого сделали. Цель благая, и ей можно только сочувствовать. Но невозможно создать нового социального строя без свободной критики. Полезно припомнить, что Ленин очень резко обличал комчванство и комвранье. Советы хотят создавать не только новое общество, но и нового человека. И тут они сбиваются с пути. Забывают, что приходится иметь дело с живыми душами, а не геометрическими линиями. Человеческая душа сложна, многогранна и многострунна. Если вы запретите человеку испытывать печаль и тоску и выражать свои лирические переживания в словах, то вы создадите не нового человека, а автомат.

Это и есть фатальный результат тоталитаризма марксистского мировоззрения. Маркс хотел разоблачить иллюзии сознания, иллюзии религиозные, философские, моральные, эстетические, порожденные экономическим строем, основанным на эксплуатации одних классов другими. Он это делал иногда гениально и не бывал слишком прямолинеен и элементарен. Он даже однажды сказал: «Я не марксист». Так и Толстой не был толстовцем. Но Маркс все-таки думал, что экономика есть субстанция человеческой жизни, есть как бы первичная реальность, и из нее определяется вся остальная жизнь людей, их идеология, надстройка. Он часто противоречил себе, и материализм его спорный. Но он дал основание к тому, чтобы считать экономику определяющей всю жизнь, значит, и творчество художественное, творчество мысли, т. е. всю культуру. Правда, его можно понимать так, что он хочет освободить человека от власти экономики, но это относится лишь к будущему обществу. Пока в России человек более подчинен экономике, чем когда-либо. Тут мы встречаемся с основным вопросом, вопросом об иерархии ценностей. Духовная культура есть более высокая ценность, чем политика и экономика, которые должны бы были быть послушными средствами. Великая задача в том,

чтобы не допускать превращения средства в цели. И это всего труднее в эпоху революций. Но поэтому особенно важно это сознать. Русская душа на протяжении тысячелетий формировалась православной верой, она формировалась в XIX веке великой русской литературой, Пушкиным, Л. Толстым, Достоевским, профетизмом этой литературы, она выражала себя и в течениях русской социальной мысли XIX века, искавшей социальной правды и сделавшей возможным и коммунизм. Она также выражала себя и в славянофильской мысли, и в русской философии начала XX века. Она отразилась и в поэзии А. Блока, и в беспокойстве русского ренессанса начала века. Но она не формировалась какой-либо экономикой и предписанием власти. Поэтому она оставалась свободной душой, несмотря на давление власти. Свободная душа может создавать социалистический строй, но это предполагает и свободу критики, и допущение многообразия. Можно признавать смысл революции и сочувствовать ее социальным результатам, можно верить, что Россия и русский народ призваны осуществить социальную правду в мире, можно стоять за самый принцип советского политического строя, можно защитить международную политику России в тяжелый момент ее существования — и вместе с тем не сочувствовать духовно-культурным результатам революции и видеть опасность в формировании рабских душ. Я именно и стою на такой точке зрения и в этом смысле остаюсь верен так называемой «советской» ориентации.

Международное и экономическое положение Советской России очень трудное. Она окружена врагами на Западе, особенно враждебны ей англосаксонские страны. России нужно внутреннее единство, но духовная свобода в стране не только не мешает единству, она именно способствует ему, отсутствие же свободы разделяет и вызывает вражду. Антисоциалистический фронт на Западе мешает развитию свободы в России. Тоталитаризм и изоляцию начинают рассматривать как защиту. Но не следовало бы так определяться врагами, как не следует слишком преувеличивать количество врагов. Лучше быть свободным в своем самоопределении. Факты гонения на свободу творчества только увеличивают вражду Запада к Советской России, и притом не капиталистических кругов, не трестов, которым не к лицу защищать свободу духа, а культурной интеллигенции стран Запада, которая, естественно, дорожит свободой мысли и творчества более левых христианских движений и самих рабочих классов. История с Ахматовой и Зощенко, с утеснением кинематографа, театра, музыки, превращается в антисовет-

скую пропаганду со стороны самих Советов, сеет внутреннюю рознь и дает оружие в руки врагов.

России сейчас необходимо, чтобы наряду со свободой церкви и религиозной жизни была дана свобода мысли и литературы. Никакая власть мира, будь то власть святых, ни при каких условиях не смеет утверждать диктатуру над духом, она не может этого делать и при существовании экономической и политической диктатуры, которая не есть нормальный и желанный строй, но иногда оказывается роковой необходимостью. Диктатура над духом, над творчеством, над мыслью и словом есть не необходимость, а зло, вытекающее из ложного мировоззрения и ложного направления воли к властвованию. Так порождается лишь рабство. В этом главная трагедия России. Об этом нужно говорить правду, и правда эта направлена не против Советской России, а в ее защиту. Диктатура над духом есть неверие в свой народ, такое же неверие, какое мы видим у непримиримых врагов Советской России, которые ничего кроме зла в ней не видят и ставят крест над русским народом. Таковы многие русские в Америке. Во имя веры в русский народ и в его призванность осуществить более справедливый социальный строй, чем буржуазные демократии Запада, нужно требовать свободы духа, совести, мысли, слова, творчества, невмешательства власти в свободные дела духа. Пусть власть способствует экономическому развитию России и подготавливает военную защиту России на случай необходимости, но не вмешивается в духовную культуру. Принципиально нисколько не меняет дела, когда говорят, что все это делает не власть, а партия. Никакая партия, никакая власть, хотя бы в трудный переходный период, не может претендовать на полное выражение души народа и его воли, его творческих духовных исканий. Всякая власть всегда частична, а не тоталитарна, всегда должна быть подчинена высшим целям. Не думаю, чтобы Россия шла к демократиям западного типа. Она создаст свой тип советской социальной демократии, но она должна идти к свободе, к реальной свободе. И русский народ должен оставаться верен русскому универсализму. Замыкание в национализме было бы изменой русской идее. Монистические, монолитные притязания власти и партии есть соблазн, это есть ложная религия, лжерелигия. Нужно верить в животворность свободы. Это и есть вера в творческие духовные силы, а не в одну только материальную необходимость. Верю, что эти силы есть в русском народе.

